

В. И. Ленин

ТОМ 7

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин

**Полное собрание сочинений. Том
7. Сентябрь 1902 ~ сентябрь 1903**

«Public Domain»

Ленин В. И.

Полное собрание сочинений. Том 7. Сентябрь 1902 ~ сентябрь 1903 / В. И. Ленин — «Public Domain», — (Полное собрание сочинений в 55-ти томах)

В седьмой том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в сентябре 1902 – сентябре 1903 года, и материалы II съезда РСДРП (проекты устава и резолюций, выступления и речи, произнесенные Лениным на съезде).

Содержание

Предисловие	6
1902 г.	13
Письмо к товарищу о наших организационных задачах { 1 }	13
Предисловие	15
Послесловие	24
О демонстрациях { 11 }	29
Политическая борьба и политиканство	30
Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 7
Сентябрь 1902 ~ сентябрь 1903
Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза

Предисловие

В седьмой том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в сентябре 1902 – сентябре 1903 года, и материалы II съезда РСДРП (проекты устава и резолюций, выступления и речи, произнесенные Лениным на съезде).

Центральное место в томе занимают произведения, связанные с борьбой за создание в России революционной марксистской партии, с выработкой ее программы и организационных принципов. Задача объединения российских социал-демократических организаций в единую партию стала особенно неотложной ввиду громадного размаха рабочего движения в конце 1902 и летом 1903 года, свидетельствующего о назревании революции. Всеобщая политическая стачка на юге России летом 1903 года показала огромный рост классового самосознания русского рабочего класса, рост пролетарской солидарности. В то же время все острее сказывалось отсутствие централизованного руководства местными социал-демократическими комитетами, действовавшими изолированно друг от друга. «Становилось все более и более очевидным, – писал впоследствии В. И. Ленин, – что недостаточно одной чисто идейной связи между комитетами. Все ошутимее выявлялась потребность образования действительно сплоченной партии, т. е. выполнения того, что лишь намечалось в 1898 году» (Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 445).

Задачу создания революционной партии рабочего класса на идейных и организационных основах, разработанных «Искрой», должен был выполнить II съезд РСДРП, подготовлявшийся искровцами во главе с Лениным с лета 1902 года. В связи с этим огромное значение приобрел вопрос о принципах организации партии.

В «Письме к товарищу о наших организационных задачах», которым открывается настоящий том, Ленин развивает и конкретизирует план построения партии, разработанный им в работе «Что делать?» и в ряде статей, напечатанных в «Искре». Важнейшими принципами, из которых исходил этот план, были централизм и необходимость создания двух согласованно действующих партийных центров – Центрального Комитета и Центрального Органа, вытекавшая из специфических условий русского рабочего движения. Эти принципы легли в дальнейшем в основу устава партии, принятого II съездом РСДРП.

Опираясь на глубокое знание условий местной работы, Ленин в «Письме к товарищу» детально разработал вопросы об общем типе и структуре социал-демократических организаций, о функциях местных партийных комитетов, о создании и направлении работы заводских организаций как основного звена социал-демократического движения, о задачах районных групп, о работе партийных пропагандистов, о взаимоотношениях местных организаций с ЦК и ЦО. «Письмо к товарищу», распространенное в петербургской и ряде других социал-демократических организаций, сыграло большую роль в борьбе революционных марксистов против кустарничества, насаждавшегося «экономистами», в упрочении искровских организационных принципов.

Организационные принципы строительства партии Ленин выработывал и отстаивал в непримиримой борьбе с национализмом и сепаратизмом бундовцев, которые добивались построения партии по федеративному признаку и способствовали тем самым разобщению сил российского пролетариата. В статьях «По поводу заявления Бунда», «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату», в проектах резолюций II съезда РСДРП о месте Бунда в РСДРП и о выходе Бунда из РСДРП, в речах на съезде, а также в статье «Последнее слово бундовского национализма», написанной после съезда, Ленин разоблачает националистическую позицию Бунда в организационных вопросах, развивает и отстаивает принцип пролетарского интернационализма, на основе которого должна строиться партия. Подвергая резкой критике взгляды Бунда, Ленин писал: «... в вопросах борьбы с самодержав-

вием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов...» (настоящий том, стр. 122).

Наряду с выработкой организационных принципов строительства партии Ленин в 1902–1903 годах продолжает работу по теоретическому обоснованию важнейших положений, сформулированных в искровском проекте программы.

В условиях многонационального государства, каким являлась Россия, огромное значение для завоевания пролетариатом союзников, для победы революции имела национальная программа РСДРП. Включенные в том статьи «О Манифесте «Союза армянских социал-демократов»» и «Национальный вопрос в нашей программе» являются первыми произведениями Ленина о национальной программе большевизма. Ленин указывает, что одним из основных принципов, которым должны руководствоваться все социал-демократы в национальном вопросе, является требование права на самоопределение для каждой нации, входящей в состав государства. Это требование означает, что партия пролетариата должна всегда и безусловно бороться против национального угнетения, *«против всякой попытки насильем или несправедливостью»* влиять извне на народное самоопределение» (стр. 105). Впоследствии Ленин разъяснял, что, выдвигая в программе требование права наций на самоопределение, РСДРП понимала последнее как политическое самоопределение, т. е. как право отделения и образования самостоятельного государства.

Статья «Национальный вопрос в нашей программе» является образцом применения марксистского диалектического метода к разработке положения о праве наций на самоопределение. В этой статье Ленин указывал, что, безусловно признавая за каждой нацией право на национальное самоопределение, революционные марксисты подчиняют поддержку требования национальной независимости интересам классовой борьбы пролетариата. «В этом именно условии, – писал он, – и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «всего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости» (стр. 235).

Разъясняя национальную программу большевизма, Ленин подчеркивает, что для успешной борьбы со всеми видами эксплуатации и гнета нужно не раздроблять, а объединять силы рабочего класса. «Дело пролетариата, – писал он, – *теснее* спланировать как можно более широкие *массы* рабочих всех и всяких национальностей, спланировать для борьбы *на возможно более широкой арене* за демократическую республику и за социализм» (стр. 105).

Важнейшее значение в связи с нараставшим революционным подъемом в России приобретала задача укрепления союза рабочего класса с крестьянством, привлечения крестьянства на сторону партии рабочего класса. Возросшая революционная активность крестьянства весной 1902 года вылилась в стихийные крестьянские восстания. Весной 1903 года Ленин написал брошюру «К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы». Эта брошюра, являющаяся первым обращением Ленина к крестьянам, представляет собой научно-популярное изложение целей РСДРП и ее аграрной программы. В ней развиты идеи марксизма о гегемонии пролетариата, о союзе рабочего класса с крестьянством, о перерастании буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Определив ближайшую цель рабочей партии в России – свержение самодержавия и завоевание политической свободы для дальнейшей борьбы за социализм, за избавление от насилия, угнетения и

нищеты десятков и сотен миллионов людей, – Ленин показывает, что на путь борьбы против эксплуататоров, на который вступили городские рабочие, должна встать и деревенская беднота. На основе анализа классовой структуры крестьянства он делает вывод о неизбежности и необходимости развертывания классовой борьбы в деревне. Первоочередной задачей деревенской бедноты, указывает Ленин, является борьба вместе со всем крестьянством против остатков крепостничества. Ленин далее разъясняет, что деревенская беднота только первый шаг, против помещичьей кабалы, может сделать вместе с богатыми крестьянами. Окончательно же выйти из нищеты, освободиться от эксплуатации, деревенская беднота может только в союзе с рабочим классом. «Ну, а последнего шага, – пишет Ленин, – никогда не сделают все крестьяне вместе: тут уже все богатое крестьянство против батраков встанет. Тут уже нам нужен крепкий союз деревенской бедноты с *городскими рабочими социал-демократами*» (стр. 189). Ленин подчеркивает, что руководящая роль в этом союзе принадлежит рабочему классу, который является единственной силой, способной не только возглавить борьбу всего крестьянства за уничтожение остатков крепостничества, за политическую свободу, но и в союзе с деревенской беднотой осуществить социалистическую революцию, уничтожить частную собственность на средства производства и построить социализм.

Характеризуя положение среднего крестьянства, которое вся буржуазия старается привлечь на свою сторону, Ленин разъясняет, что задача пролетарской партии состоит в том, чтобы помочь среднему крестьянству найти его настоящих друзей и войти в прочный союз с беднотой и рабочим классом.

Брошюра «К деревенской бедноте» была широко распространена в ряде городов и сельских местностей России и сыграла большую роль в пропаганде среди крестьян взглядов революционной социал-демократии, в завоевании доверия деревенской бедноты к РСДРП как защитнице ее интересов.

Ряд статей, включенных в том, посвящен критике взглядов эсеров, разъяснению несостоятельности и беспринципности их позиции. В статье «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами» Ленин вскрывает извращение эсерами марксистской теории о классах, их попытку искать отличительный признак деления современного общества на классы в источнике дохода, а не в отношении к средствам производства. Вульгаризация марксистского учения о классах, указывал Ленин, была нужна эсерам для того, чтобы воскресить идею «бледно-розового квазисоциализма» либеральных народников о диаметральной противоположности крестьянского и буржуазного хозяйства, попытаться примирить старую народническую теорию «трудового хозяйства» с теорией классовой борьбы.

Задуманная Лениным весной 1903 года брошюра против эсеров, план которой помещен в настоящем томе, не была написана, но в статьях «О задачах социал-демократического движения», «Основной тезис против эсеров», в отрывке из статьи против эсеров дана развернутая характеристика позиции эсеров. «Мы обвинили вас в авантюризме, – писал Ленин, – прямо и точно говоря... что вытекает это из вашей полной беспринципности во всех основных вопросах международного социализма, из невероятной путаницы воззрений в вашей наскоро состряпанной и под пикантным соусом преподнесенной «потребителю» аграрной программе, из шаткости и беспочвенности вашей террористической тактики» (стр. 54).

Впоследствии Ленин подчеркивал, что большевизм вырос, окреп и закалился не только в борьбе против оппортунизма, но и в борьбе с мелкобуржуазной революционностью, которую всего более выражала в России партия социалистов-революционеров. «Большевизм, – писал он, – воспринял при своем возникновении в 1903 году традицию беспощадной борьбы с мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью, каковая традиция имела всегда у революционной социал-демократии и особенно упрочилась у нас в 1900–1903 годах, когда закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 16).

В статье «Новые события и старые вопросы», помещенной в томе, содержится обстоятельный анализ нового этапа, в который вступило революционное движение в 1902 году, и подвергается критике тактика индивидуального террора, которую эсеры противопоставляли массовому рабочему движению. Ленин делает вывод, что такие события, как ростовская стачка, выступления на суде нижегородских рабочих, осужденных за участие в демонстрациях, говорят о том, что «всемирное вооруженное восстание против самодержавного правительства созревает не только как идея в умах и программах революционеров, но также и как неизбежный, практически-естественный *следующий* шаг самого движения...» (стр. 62).

Большое место в томе занимают материалы, связанные с II съездом РСДРП. Часть из них была написана в период подготовки к съезду. К ним относятся: письмо к местным социал-демократическим организациям «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду», послесловие к «Извещению об образовании «Организационного комитета»», «Проект обращения русского Организационного комитета к Лиге, Союзу и ЗКБ», проект устава РСДРП и проекты резолюций о месте Бунда в РСДРП, о демонстрациях, об экономической борьбе, о 1 Мая, о международном конгрессе, о терроре, о пропаганде, о распределении сил, о партийной литературе, об отношении к учащейся молодежи. Во время работы съезда были написаны проекты резолюций о выходе Бунда из РСДРП, об отдельных группах, о работе в войске, о работе среди крестьянства, об издании органа для сектантов и др. В томе печатаются 47 выступлений и речей Ленина, из которых 32 публиковались ранее только в протоколах съезда и в Сочинения включены впервые.

В период II съезда РСДРП решался важнейший политический вопрос: будет ли создана в России пролетарская партия нового типа, по какому пути пойдет российское рабочее движение – пойдет ли оно, руководимое этой партией и вооруженное социалистической идеологией, по пути смелой, последовательной борьбы против царизма и капитализма, борьбы за диктатуру пролетариата, или же оно скатится на путь подчинения буржуазной идеологии, на путь реформизма, на который его пытались свлечь оппортунисты.

Съезд явился ареной ожесточенной борьбы последовательных искровцев, сплотившихся вокруг Ленина, с рабочедельцами – «экономистами», бундовцами, центристами и непоследовательными, «мягкими» искровцами – сторонниками Мартова. В материалах съезда, опубликованных в томе, отражена борьба Ленина против оппортунистов, за идеологические и организационные принципы, на которых должна быть создана революционная партия рабочего класса России, за выработку программы и устава, соответствующих задачам пролетарской партии нового типа.

В речи по вопросу о программе партии 22 июля (4 августа) Ленин указал, что «экономисты» выступили на съезде «с воззрениями, которые были уже названы (и справедливо названы) оппортунизмом» (стр. 271). Они дошли до отрицания марксистской теории обнищания трудящихся масс при капитализме, оспаривали необходимость диктатуры пролетариата и выступали против положения о внесении социалистического сознания в рабочее движение марксистской партией. Ленин дал решительный отпор нападкам оппортунистов на важнейшие положения марксистской теории и подчеркнул роль партии как руководящей силы в борьбе пролетариата против царизма и капитализма.

Съезд отверг все попытки оппортунистов внести изменения в искровский проект программы в духе программ западноевропейских реформистских партий. Включение в программу партии положения о диктатуре пролетариата явилось большой победой сторонников Ленина: впервые в истории международного рабочего движения после смерти Маркса и Энгельса была принята революционная программа пролетарской партии, в которой выдвигалась как основная задача борьба за диктатуру пролетариата.

В речах и выступлениях Ленина, включенных в том, развернута защита аграрной части программы, показана роль крестьянства как союзника пролетариата, обосновано значение тре-

бования возвращения отрезков и различие требований аграрной программы партии рабочего класса в буржуазно-демократической и социалистической революциях. Позднее Ленин, оценивая в свете революции 1905–1907 годов аграрную программу, принятую II съездом РСДРП, писал: «События несомненно доказали, что наша тогдашняя программа (возвращение отрезков) была непомерно узка и недооценивала силы революционно-демократического крестьянского движения...», но «и эта непомерно узкая аграрная программа казалась слишком широкой правому крылу с.-д. партии в то время» (Сочинения, 4 изд., том 13, стр. 92). III съезд РСДРП, состоявшийся в апреле 1905 года, поставил перед партией задачу самой энергичной поддержки всех революционных мероприятий крестьянства вплоть до конфискации помещичьих земель.

Борьба за включение в программу положения о праве наций на самоопределение, против которого возражали бундовцы и польские социал-демократы, нашла отражение в заметках Ленина на заседаниях программной комиссии, где происходила основная дискуссия по национальному вопросу. В этом вопросе съезд также поддержал позицию Ленина.

Принятие II съездом РСДРП революционной марксистской программы, в которой были сформулированы как ближайшие задачи пролетариата в буржуазно-демократической революции (программа-минимум), так и основные его цели – победа социалистической революции и завоевание диктатуры пролетариата (программа-максимум), имело огромное теоретическое и политическое значение. «За несколько лет до революции, – писал впоследствии Ленин, – социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу» (Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 301). Программа, принятая II съездом РСДРП, была боевым руководящим документом большевистской партии вплоть до VIII съезда РКП(б) (март 1919), утвердившего новую программу партии.

На съезде развернулась острая борьба по вопросу об организационных принципах построения партии. В своих выступлениях по вопросам о порядке дня съезда 18 (31) июля и о месте Бунда в РСДРП 20 июля (2 августа) Ленин решительно осудил сепаратистские попытки Бунда расколоть РСДРП по национальному признаку и подчеркнул, что партия нового типа должна быть основана на принципах интернационализма. Подавляющим большинством голосов съезд поддержал точку зрения Ленина и отверг предложение бундовцев о построении партии по федеративному принципу.

Особенно ожесточенной была борьба при обсуждении устава партии, проект которого был написан Лениным. В докладе и в выступлениях по этому вопросу Ленин отстаивал необходимость создания партии, которая явилась бы передовым, сознательным, организованным отрядом рабочего класса, вооруженным революционной теорией. Только такая, сплоченная и централизованная, обладающая единой волей партия, учил Ленин, способна вести пролетариат к победе и успешно руководить его борьбой за завоевание власти. Такому пониманию роли и задач партии соответствовала предложенная Лениным формулировка первого параграфа устава, в которой членство в партии обуславливалось признанием ее программы, поддержкой ее материальными средствами и личным участием в одной из партийных организаций.

В противовес ленинской формулировке Мартов, поддержанный всеми оппортунистическими и колеблющимися элементами, внес другую формулировку первого параграфа устава, которая обуславливала членство в партии, кроме признания программы партии и материальной поддержки ее, лишь регулярным личным содействием партии под руководством одной из организаций. Заявляя, что любой стачечник или интеллигент, сочувствующий партии, может объявить себя членом партии, не входя в партийную организацию и, следовательно, не подчиняясь партийной дисциплине, оппортунисты вели линию на создание реформистской, соглашательской партии типа партий II Интернационала.

Ленин решительно выступил против формулировки Мартова, подчеркнув, что она раскрывала бы двери в партию для всех элементов разброда, шатания и оппортунизма. «Форму-

лировка эта, – говорил Ленин, – неизбежно стремится *всех и каждого* сделать членами партии... Именно этого-то и не хотим мы! Именно поэтому мы и восстаем так решительно против формулировки Мартова. Лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии (действительные работники за чинами не гонятся!), чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии» (стр. 289–290).

Критикуя Троцкого, поддерживавшего Мартова, Ленин разъяснял, что нельзя смешивать партию и класс, что партия должна быть передовым отрядом, руководителем громадной массы рабочего класса, который не входит и не может входить весь в партию.

В речах на II съезде РСДРП Ленин сформулировал основные положения о нормах партийной жизни, которые он позднее разработал в своей книге «Шаг вперед, два шага назад». Огромное значение имело ленинское положение о высоком звании члена партии, о том, что каждый член партии ответственен за партию и партия ответственна за каждого своего члена. «Наша задача, – говорил Ленин, – оберегать твердость, выдержанность, чистоту нашей партии. Мы должны стараться поднять звание и значение члена партии выше, выше и выше...» (стр. 290–291).

Оппортунистам удалось незначительным большинством голосов провести на съезде формулировку Мартова. В целом же устав партии был принят искровский, ленинский. Особенно важно было, что искровцы отстаивали идею централизма в построении партии. Что же касается первого параграфа устава, то жизнь, деятельность партийных организаций и борьба с оппортунистическими элементами в партии подтвердили правоту Ленина, и III съезд РСДРП внес изменение в устав, приняв ленинскую формулировку о членстве в партии.

Материалы, включенные в том, отражают борьбу Ленина за создание таких центральных учреждений партии, которые были бы способны возглавить партию, руководить работой партийных организаций, борьбой рабочего класса. В речи при выборах редакции «Искры», признанной съездом Центральным Органом партии, Ленин подчеркивал огромное политическое значение обеспечения в центральных органах партии преобладания твердых искровцев. На выборах в ЦК и ЦО кандидаты, выдвинутые последовательными искровцами, получили большинство. С этого времени сторонники Ленина стали называться большевиками, а оппортунистические элементы – меньшевиками.

Таким образом, борьба Ленина за создание в России революционной марксистской партии увенчалась на II съезде РСДРП успехом. На съезде было положено начало боевой, революционной, марксистской партии рабочего класса, основанной на идейных и организационных началах, выдвинутых и разработанных ленинской «Искрой», – пролетарской партии нового типа, принципиально отличавшейся от реформистских партий II Интернационала. «Большевизм, – писал Ленин, – существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 8).

Под руководством большевистской, ленинской партии рабочее движение в России пошло по пути победоносной революционной борьбы против царизма и капитализма. Вместе с тем борьба Ленина против враждебных марксизму идейных и организационных установок меньшевиков явилась мощным ударом по международному оппортунизму, по ревизионизму и имела огромное значение для революционного движения во всех странах. Создав революционную марксистскую партию в России – образец пролетарской партии нового типа, – II съезд РСДРП явился поворотным пунктом в мировом рабочем движении.

В разделе «Подготовительные материалы» помещена большая группа ленинских документов, связанных с подготовкой и проведением II съезда РСДРП. К ним относятся: «Заметки к докладу на II съезде РСДРП о деятельности организации «Искры»», «Программа II очередного съезда РСДРП», «Состав II съезда РСДРП» (перед открытием), «Дневник заседаний II съезда РСДРП», «Заметки о работе программной комиссии», планы выступлений и речей по вопросу о месте Бунда в РСДРП, о программе партии, при выборах редакции «Искры»,

«Заметки о прениях по предложению делегатов Бунда о порядке обсуждения устава партии», «Заметки о прениях по § 1 устава», «Состав съезда» (после съезда).

Эти документы, наряду с основными материалами тома, ярко характеризуют огромную работу Ленина по подготовке II съезда РСДРП, его руководящую роль в проведении съезда, его непримиримую и неустанную борьбу за создание пролетарской партии нового типа и представляют огромный интерес для изучения работы съезда.

В этом же разделе помещены материалы к брошюре «К деревенской бедноте», наброски и конспекты к статье «Новые события и старые вопросы», планы писем «К вопросу о докладах комитетов и групп РСДРП общепартийному съезду» и «О задачах революционной молодежи», планы брошюры и статьи против эсеров, план статьи «Второй партийный съезд» и заметка «Противоречия и зигзаги Мартова».

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1902 г.

Письмо к товарищу о наших организационных задачах^[1]

*Напечатано в 1902 г. на гектографе; предисловие и послесловие – в 1904 г. в брошюре:
Н. Ленин. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». Женева, изд. ЦК РСДРП
Печатается по тексту брошюры*

Російская Соціалъдемократическая Рабочая Партія .

ПРОЛЕТАРИИ ВСАХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНИТЕСЬ!

Письмо къ товарищу

о нашихъ

организационныхъ задачахъ

Н. Ленина

Изданіе Центральнаго Комитета Р.С.-Д. Р. Партіи.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Collonvrenière, 27.
1904

Обложка брошюры В. И. Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». – 1904 г. (Уменьшено)

Предисловие

Перепечатываемое мною «Письмо к товарищу» написано было больше года тому назад, – если память мне не изменяет, в сентябре 1902 года. Сначала оно ходило у всех по рукам в копиях и распространялось по России как изложение искровских организационных взглядов. Затем Сибирский союз в июне прошлого года перепечатал это письмо и распространил в весьма значительном количестве экземпляров. Таким образом письмо сделалось уже вполне достоянием публики, и теперь нет никаких оснований задерживать его публикацию. То соображение, по которому я не печатал этого письма раньше, – именно его крайняя литературная необработанность, его совершенно «черновой» характер, – отпадает, ибо именно в этом черновом виде с письмом ознакомились уже многие русские практики. Кроме того, еще более важным доводом за перепечатку этого письма в черновом виде (я сделал лишь самые необходимые стилистические исправления) является теперь его значение, как «документа»¹. Новая редакция «Искры»^[2] выдвинула, как известно, уже в № 53 разногласия по *организационным* вопросам. К сожалению, в чем именно состоят эти разногласия, редакция не спешит указать определенно, ограничиваясь по большей части намеками на то, чего не ведают никто.

Надо постараться облегчить новой редакции ее трудную задачу. Пусть *старые* организационные взгляды «Искры»^[3] станут известными во всех деталях, вплоть даже до черновых набросков, – может быть, тогда новая редакция соберется, наконец, открыть «идейно руководимой» ею партии свои *новые* организационные взгляды. Может быть, тогда новая редакция поделится, наконец, с нами *точной формулировкой* тех коренных изменений, которые проектировались бы ею в нашем партийном организационном уставе^[4]. Ибо кто же не понимает, в самом деле, что именно этот организационный устав и воспринял в себя наши всегдашние организационные планы?

Сравнивая «Что делать?»² и статьи в «Искре» по организационным вопросам с предлагаемым «Письмом к товарищу», а это последнее с уставом, который принят на втором съезде, читатели могут составить себе ясное представление о том, насколько последовательно проводилась нами, большинством искровцев и большинством партийного съезда, наша организационная «линия». А от новой редакции «Искры» мы будем ждать, и с великим нетерпением ждать, изложения ее новых организационных взглядов, ждать указания, в чем именно и с какого момента именно разочаровалась она и почему стала «сжигать то, чему поклонялась»^[5].

Январь 1904 г.

Н. Ленин

* * *

Дорогой товарищ! С удовольствием исполняю вашу просьбу дать критику вашего проекта «Организации С.-Петербургской революционной партии». (Вы имели в виду, вероятно, организацию петербургской работы Российской социал-демократической рабочей партии.) Поднятый вами вопрос так важен, что в ^{обсуждении} его должны принять участие и все члены С.-Петербургского комитета и даже все русские социал-демократы вообще.

Прежде всего отмечу полную свою солидарность с вашим объяснением непригодности прежней («союзной», как вы ее называете) организации «Союза». Вы указываете на отсут-

¹ После того, как мои оппоненты выражали не раз желание пользоваться этим письмом в качестве документа, я бы считал с своей стороны внесение каких-либо изменений при перепечатке прямо даже... как бы это помягче выразиться?., неловким.

² См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 1–192. *Ред.*

ствие серьезной подготовки и революционного воспитания у передовых рабочих, на так называемую выборную систему, так гордо и упорно защищаемую рабоче-дельцами^[6] из-за «демократических» принципов, на отчужденность рабочих от активной деятельности.

Именно так: 1) отсутствие серьезной подготовки и революционного воспитания (не только у рабочих, но и у интеллигентов), 2) неуместное и неумеренное применение выборного начала и 3) отчужденность рабочих от активной *революционной* деятельности, – в этом, действительно, заключается главный недостаток не только С.-Петербургской, но и многих других местных организаций нашей партии.

Вполне разделяя ваш основной взгляд на организационные задачи, я присоединяюсь также и к вашему организационному проекту, насколько главные черты его выясняются для меня из вашего письма.

А именно, я совершенно согласен с вами, что следует особенно подчеркивать задачи общерусской работы и всей партии вообще; у вас это выражено тем, что пункт первый проекта гласит: «руководящим центром *партии* (а не одного только комитета или района) является газета «Искра», имеющая постоянных корреспондентов среди рабочих и тесно связанная с внутренней работой организации». Я бы заметил только, что газета может и должна быть *идейным* руководителем партии, развивать теоретические истины, тактические положения, общие организационные идеи, общие задачи всей партии в тот или другой момент. Непосредственным же *практическим* руководителем движения может быть только особая центральная группа (назовем ее хоть Центральным Комитетом), сносящаяся *лично* со всеми комитетами, включающая в себя все лучшие революционные силы всех русских социал-демократов и *распоряжающаяся* всеми общепартийными делами, как-то: распределение литературы, издание листков, распределение сил, назначение лиц и групп для заведования особыми предприятиями, подготовка общерусских демонстраций и восстания и т. д. При необходимости строжайшей конспирации и охраны преемственности движения – у нашей партии могут и должны быть *два* руководящих центра: ЦО (Центральный Орган) и ЦК (Центральный Комитет). Первый должен руководить идейно, второй – непосредственно и практически. Единство в действии и необходимая солидарность между этими группами должны быть обеспечены не только единой программой партии, но и *составом обеих групп* (надо, чтобы в обеих группах, и в ЦО и в ЦК, были вполне спевшиеся между собой люди) и учреждением регулярных и постоянных совещаний между ними. Только тогда, с одной стороны, ЦО будет поставлен вне действия русских жандармов, и ему будет обеспечена выдержанность и преемственность, – а с другой стороны, ЦК будет всегда солидарен с ЦО во всем существенном и достаточно свободен для непосредственного *распорядительства* всей практической стороной движения.

Было бы желательно поэтому, чтобы пункт первый устава (сообразно вашему проекту) указывал не только на то, какой орган партии признается руководящим (это необходимое, конечно, указание), но также и на то, что данная местная организация ставит своей задачей активно работать над *созданием*, поддержкой и упрочением тех центральных учреждений, без которых наша партия не может существовать как партия.

Далее, во втором пункте вы говорите о комитете, что он должен «руководить местной организацией» (может быть, лучше сказать: «всей местной работой и всеми местными организациями партии», но я не буду останавливаться на деталях формулировки) и что он должен состоять и из рабочих, и из интеллигентов, разделение же их на два комитета – вредно. Это вполне и безусловно справедливо. Комитет Российской социал-демократической рабочей партии должен быть один, и в нем должны быть вполне сознательные социал-демократы, посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности. Надо особенно стараться о том, чтобы как можно более рабочих становились вполне сознательными и профессиональными

революционерами и попадали в комитет³. При условии *единого*, а не двойственного комитета, вопрос о том, чтобы многих рабочих знали *лично* члены комитета, приобретает особое значение. Чтобы руководить всем, что происходит в рабочей среде, надо иметь возможность всюду попасть, надо очень многих знать, иметь все ходы и т. д. и т. д. В комитете должны быть поэтому, по возможности, все главные *вожаки* рабочего движения из самих рабочих, комитет должен руководить *всеми* сторонами местного движения и заведовать, *всеми* местными учреждениями, силами и средствами партии. О том, как должен составляться комитет, вы не говорите, – вероятно, мы и тут согласимся с вами, что об этом вряд ли нужны особые правила; как составить комитет – это уж дело местных соц.-демократов. Разве только можно было бы указать, что комитет пополняется по решению большинства (или двух третей и т. п.) членов его, что комитет должен заботиться о передаче своих связей в надежное (в революционном отношении) и сохранное (в политическом смысле) место и о подготовке себе заранее кандидатов. Когда у нас будет ЦО и ЦК – новые комитеты должны образовываться не иначе, как при их участии и с их согласия. Число членов комитета должно быть по возможности не очень велико (чтобы уровень этих членов был выше и их специализация в революционной профессии полнее), но в то же время достаточное для заведования *всеми* сторонами дела и обеспечения полноты совещаний и твердости решений. Если бы оказалось, что членов довольно много и часто собираться им опасно, – тогда может быть пришлось бы выделить из комитета еще особую, очень маленькую (скажем, человек пять, а то и меньше) *распорядительную* группу, которая непременно должна включать в свой состав секретаря и лиц, наиболее способных быть практическими распорядителями всей работы в целом. Для этой группы было бы *особенно важно* обеспечить себе кандидатов на случай провала, чтобы работа не останавливалась. Общие собрания комитета утверждали бы действия распорядительной группы, определяли ее состав и т. п.

Далее, *после* комитета вы выдвигаете, как соподчиненные ему, следующие учреждения: 1) дискуссию (совещание «лучших» революционеров), 2) районные кружки с 3) кружком пропагандистов при каждом из них, 4) заводские кружки и 5) «представительные сходки» делегатов от заводских кружков данного района. Я вполне согласен с вами, что *все* дальнейшие учреждения (а их должно быть очень много и очень разнообразных, помимо названных вами) должны быть соподчинены комитету и что нужны районные (для очень больших городов) и заводские (всегда и повсюду) группы. Но в некоторых частностях я, кажется, не вполне согласен с вами. Например, насчет «дискуссии» я думаю, что такого учреждения *вовсе не надо*. «Лучшие революционеры» должны быть все в комитете или на особых функциях (типография, транспорт, разъездная агитация, организация, скажем, паспортного бюро, или дружины для борьбы со шпионами и провокаторами, или групп в войске и т. д.).

«Совещания» будут происходить и в комитете и в *каждом* районе, в каждом заводском, пропагандистском, профессиональном (ткачей, механиков, кожевников и прочее), студенческом, литературном и т. д. кружке. К чему особое учреждение для совещаний?

Далее. Вы совершенно справедливо требуете, чтобы «всем желающим» была предоставлена возможность непосредственно корреспондировать в «Искру». Но только «непосредственно» надо понимать не так, чтобы «всем желающим» давать ход и адрес к редакции, а так, чтобы обязательно передавать (или пересылать) редакции письма от *всех желающих*. Адреса же нужно давать *довольно широко*, но все же не всем желающим, а только революционерам надежным и выдающимся конспиративной умелостью, – может быть и не по одному на район, как вы хотите, а по несколько; надо также, чтобы все участники работы, все и всякие кружки *имели право* доводить свои решения, желания, запросы до сведения *как комитета*, так и ЦО

³ В комитет надо стараться ввести рабочих-революционеров, имеющих наибольшие связи и наилучшее «имя» в рабочей массе.

и ЦК. Если мы обеспечим это, то тогда *полнота совещания всех партийных работников* будет достигнута без создания таких громоздких и неконспиративных учреждений, как «дискуссия». Конечно, надо еще стараться устраивать *личные совещания* возможно большего числа всех и всяких деятелей, – но ведь тут все дело в конспирации. Общие собрания и сходки возможны в России лишь изредка в виде исключения, и надо быть сугубо осторожным при допущении на эти собрания «лучших революционеров», ибо на общие собрания вообще легче попасть провокатору и проследить одного из участников шпиону. Я думаю, было бы, может быть, лучше сделать так: когда можно устраивать большие (скажем, 30–100 человек) общие собрания (напр., летом в лесу или в особо найденной конспиративной квартире), тогда комитет пусть пошлет туда 1–2 «лучших революционеров» и *позаботится* о хорошем составе собрания, т. е., напр., о приглашении возможно большего числа надежных членов заводских кружков и т. п. Но не надо оформлять этих собраний, не надо вносить их в устав, не надо делать их регулярными, не надо делать так, чтобы все члены собрания знали всех участвующих, т. е. что все «представители» кружков и т. п.; вот почему я против не только «дискуссий», но и против «представительной сходки». Вместо обоих этих учреждений я бы предложил постановить примерно такое правило. Комитет заботится об устройстве больших собраний возможно большего числа практических участников движения и всех рабочих вообще. Время, место, повод собрания и состав его определяются комитетом, который ответственен за конспиративную постановку таких предприятий. Само собой разумеется, что этим нисколько не стесняется и устройство рабочими еще менее оформленных сходок на прогулках, в лесу и т. п. Может быть, еще лучше было бы не говорить об этом в уставе.

Далее, что касается районных групп, то относительно их я вполне согласен с вами, что одной из важнейших задач их является правильная постановка *распределения* литературы. Я думаю, районные группы должны быть главным образом *посредниками* между комитетами и заводами, посредниками и даже преимущественно *передатчиками*. Конспиративная постановка правильного распространения литературы, полученной из комитета, должна быть их главной задачей. И эта задача в высшей степени важна, потому что, если обеспечить регулярные сношения особой районной группы разносчиков *со всеми заводами* района, с возможно большим числом *рабочих квартир* района, то это будет иметь громадное значение и для демонстраций и для восстания. Наладить, организовать дело быстрой и правильной передачи литературы, листов, прокламаций и пр., приучить к этому целую сеть агентов – это значит сделать *большую* половину дела по подготовке в будущем демонстраций или восстания. В момент возбуждения, стачки, брожения уже поздно налаживать разноску литературы – к этому можно приучить только исподволь, *обязательно* проделывая это раза по два, по три в месяц. Если нет газеты, то это можно и должно проделывать с листками, но никоим образом не позволять этому распространительному аппарату бездействовать. Надо стремиться довести этот аппарат до такой степени совершенства, чтобы в одну ночь все рабочее население С.-Петербурга можно было оповестить и, так сказать, мобилизовать. И это вовсе не утопическая задача при условии систематической передачи листов из центра в более узкие посреднические кружки и от них разносчикам. Расширять пределы ведения районной группы на другие функции, помимо чисто посреднической и передаточной, по моему мнению, не следовало бы, или, вернее, следовало бы лишь с чрезвычайной осторожностью – это может повредить только и конспиративности и цельности работы. Совещания по всем партийным вопросам, конечно, будут происходить и в районных кружках, но *решать* все общие вопросы местного движения должен только комитет. Самостоятельность районной группы следовало бы допустить лишь в вопросах о технике передачи и распространения. Состав районной группы должен определяться комитетом, т. е. комитет *назначает* одного-двух своих членов (или даже и не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам *составить районную группу*, все члены которой опять-таки

комитетом утверждаются, так сказать, в должности. Районная группа – филиальное отделение комитета, только от него заимствующее свои полномочия.

Перехожу к вопросу о кружках пропагандистов. Организовывать их отдельно при каждом районе едва ли возможно при бедности пропагандистских сил и едва ли желательно. Пропаганда должна вестись в одном духе всем комитетом, и ее следует строго централизовать, поэтому я представляю себе дело так: комитет поручает нескольким своим членам организовать группу пропагандистов (которая будет филиальным отделением комитета или *одним из комитетских учреждений*). Эта группа, пользуясь в конспиративном отношении *услугами* районных групп, должна вести пропаганду *во всем городе*, во всей местности, «подведомственной» комитету. Если нужно, эта группа может составить еще подгруппы, передоверить, так сказать, дальше ту или другую часть ее функций, но все это не иначе, как при условии утверждения со стороны комитета, комитет всегда и безусловно должен иметь право послать своего делегата в каждую группу, подгруппу или кружок, сколько-нибудь прикосновенный к движению.

По тому же типу поручений, по типу филиальных отделений комитета или его учреждений, должны быть организованы все разнообразные группы, обслуживающие движение, – и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников, и группы транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, напр., «доходного финансового предприятия» и т. д. Все искусство конспиративной организации должно состоять в том, чтобы использовать *все и вся*, «дать работу всем и каждому», сохраняя в то же время *руководство* всем движением, сохраняя, разумеется, не силой власти, а силой авторитета, силой энергии, большей опытности, большей разносторонности, большей талантливости. Это замечание относится к тому возможному и обычному возражению, что строгая централизация слишком легко может погубить дело, если *случайно* в центре окажется наделенное громадной властью *неспособное* лицо. Это возможно, конечно, но средством против этого не может быть выборность и децентрализация, абсолютно недопустимая в сколько-нибудь широких размерах и даже прямо вредная в революционной работе при самодержавии. Средства против этого не дает никакой устав, его могут дать лишь меры «товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к ЦО и ЦК и кончая (в худшем случае) *свержением* совершенно неспособной власти. Комитет должен стараться возможно полнее проводить разделение труда, памятуя, что для разных сторон революционной работы нужны разные способности, что иногда человек, совершенно негодный в организаторы, будет незаменимым агитатором, или человек, неспособный к конспиративной строжайшей выдержке, будет превосходным пропагандистом и т. п.

Кстати, по поводу пропагандистов я хотел бы еще сказать несколько слов против обычного *переполнения* этой профессии малоспособными людьми и принижения этим уровня пропаганды. У нас иногда всякий студент без разбора считается пропагандистом, и вся *молодежь* требует, чтобы ей «дали кружок» и т. п. С этим надо бы бороться, ибо вреда от этого бывает очень много. Действительно выдержанных принципиально и способных пропагандистов *очень немного* (и чтобы стать таковым, надо порядочно поучиться и понабрать опыта), и таких людей надо специализировать, занимать их целиком и беречь сугубо. Надо организовывать по несколько лекций в неделю для таких лиц и уметь вовремя вызывать их в другие города, организовывать вообще объезд разных городов умелыми пропагандистами. А массу начинающей молодежи надо ставить более на практические предприятия, которые у нас бывают в загоне по сравнению с тем студенческим хождением по кружкам, которое оптимистически называется «пропагандой». Конечно, для серьезных практических предприятий нужна тоже основательная подготовка, но все же тут легче найти дело и для «начинающих».

Теперь о заводских кружках. Они для нас особенно важны: ведь вся главная сила движения – в организованности рабочих на *крупных* заводах, ибо крупные заводы (и фабрики)

включают в себя не только преобладающую по численности, но еще более преобладающую по влиянию, развитию, способности ее к борьбе часть всего рабочего класса. Каждый завод должен быть нашей крепостью. А для этого «заводская» рабочая организация должна быть так же конспиративна внутри себя, также «ветвиста» вовне, т. е. во внешних ее сношениях, так же далеко должна просовывать, и в самые разные стороны просовывать, свои щупальца, как и всякая революционная организация. Я подчеркиваю, что ядром и руководителем, «хозяином», должна быть и здесь обязательно группа революционеров-рабочих. С традицией чисто рабочего или профессионального типа социал-демократических организаций мы должны порвать совершенно до «заводских» кружков *включительно*. Заводская группа или заводской (фабричный) комитет (чтобы отделить его от других групп, которых должно быть очень много) должен состоять из очень небольшого *числа революционеров*, получающих *непосредственно от комитета* поручения и полномочия вести всю социал-демократическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на агентов комитета, обязанных подчиняться всем распоряжениям его, обязанных соблюдать все «законы и обычаи» той «действующей армии», в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения начальства. Состав заводского комитета имеет поэтому очень большое значение, и одной из главных забот комитета должна быть – правильно поставить эти подкомитеты. Я представляю себе это дело так: комитет поручает таким-то своим членам (плюс, допустим, такие-то лица из рабочих, лица, не вошедшие в комитет по тем или иным причинам, но могущие быть полезными по своему опыту, знанию людей, уму, по своим связям) организовать везде заводские подкомитеты. Комиссия совещается с районными уполномоченными, назначает ряд свиданий, испытывает хорошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрестному допросу «с пристрастием», подвергает их, буде надобно, искусству, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно *возможно большее* число кандидатов в заводский подкомитет данного завода и, наконец, предлагает комитету утвердить такой-то состав каждого заводского кружка или уполномочить такого-то рабочего составить, наметить, подобрать целый подкомитет. Таким образом, комитет же будет определять, кому из этих агентов вести сношения с ним *и как* вести (по общему правилу через районных уполномоченных, но к этому правилу могут быть и дополнения и видоизменения). Ввиду важности этих заводских подкомитетов мы должны стремиться, по мере возможности, к тому, чтобы *каждый* подкомитет имел и адрес для обращения в ЦО и *склад* своих связей в сохранном месте (т. е. чтобы сведения, необходимые для немедленного восстановления подкомитета в случае провала, передавались возможно регулярнее и обильнее в центр партии для сбережения их там, куда русские жандармы бессильны пролезть). Само собой понятно, что эта передача адресов должна определяться комитетом на основании его соображений и данных, а не на основании несуществующего права на «демократическое» распределение этих адресов. Наконец, не лишнее, может быть, оговориться, что иногда вместо заводского подкомитета из нескольких членов нужно будет или *удобнее будет* ограничиться назначением одного агента от комитета (и кандидата к нему). Когда заводский подкомитет образовался, он должен приступить к созданию целого ряда заводских групп и кружков с разными задачами, с различной степенью конспиративности и оформленности, напр., кружков для разноски и распространения литературы (одна из самых важных функций, которая должна быть поставлена так, чтобы у нас была настоящая своя почта, чтобы были испытаны и проверены не только приемы распространения, но и разноска по квартирам, чтобы непременно знали все квартиры и ходы к ним), кружков для чтения нелегальной литературы, кружков для слежения за шпионами⁴, кружков для

⁴ Мы должны внушать рабочим, что убийство шпионов и провокаторов и предателей может быть, конечно, иногда безусловной необходимостью, но что крайне нежелательно и ошибочно было бы возводить это в систему, что мы должны стремиться создать организацию, способную *обезвреживать* шпионов раскрытием и преследованием их. Перебить шпионов нельзя, а создать организацию, выслеживающую их и *воспитывающую* рабочую массу, *можно и должно*.

специального руководства профессиональным движением и экономической борьбой, кружков агитаторов и пропагандистов, умеющих начинать разговоры и долго вести их *вполне легально* (о машинах, об инспекции и проч.) с тем, чтобы говорить безопасно и публично, чтобы разведывать людей и нащупывать почву и т. д.⁵ Заводский подкомитет должен стараться охватить весь завод, возможно большую долю рабочих сетью всевозможных кружков (или агентов). Обилием этих кружков, возможностью проникнуть в них разъездному пропагандисту, а главное правильностью регулярной работы по *распространению литературы* и получению сведений и корреспонденции должна измеряться успешность деятельности подкомитета.

Итак, общий тип организации, по моему мнению, должен быть такого рода: во главе всего местного движения, всей местной социал-демократической работы стоит комитет. От него исходят соподчиненные ему учреждения и филиальные отделения в виде, во-1-х, *сети исполнительных агентов*, обнимающей всю (по возможности) рабочую массу и организованной в виде *районных* групп и заводских (фабричных) подкомитетов. Эта сеть в мирное время будет распространять литературу, листки, прокламации и конспиративные сообщения комитета; в военное время устраивать демонстрации и т. п. коллективные действия. Во-2-х, от комитета же исходит ряд всяких обслуживающих все движение кружков и групп (пропаганда, транспорт, всяческие конспиративные предприятия и т. д.). Все группы, кружки, подкомитеты и т. д. должны быть на положении комитетских учреждений или филиальных отделений комитета. Одни из них прямо заявят о своем желании войти в состав Российской социал-демократической рабочей партии и, при условии утверждения комитетом, войдут в ее состав, примут на себя (по поручению комитета или по соглашению с ним) известные функции, обяжутся повиноваться распоряжениям органов партии, получают права всех членов партии, будут считаться ближайшими кандидатами в члены комитета и т. д. Другие не войдут в Российскую социал-демократическую рабочую партию, будучи на положении кружков, устроенных членами партии, или примыкающих к той или иной группе партии и т. д.

Во всех своих *внутренних* делах члены *всех* этих кружков, разумеется, так же равноправны, как и члены комитета между собой. Единственным исключением отсюда будет то, что право *личных* сношений с местным комитетом (а также с ЦК и с ЦО) будет иметь лишь лицо (или лица), назначенное этим комитетом. Во всех других отношениях это лицо будет равноправно с остальными, которые имеют такое же право обращаться (только не лично) с заявлениями и в местный комитет, и в ЦК и ЦО. Таким образом, указанное исключение будет в сущности вовсе не нарушением равноправности, а только необходимой уступкой безусловным требованиям конспирации. Член комитета, не передавший заявления «своей» группы в комитет, ЦК или ЦО, будет ответственен за прямое нарушение партийного долга. Далее, что касается конспиративности и оформленности разного рода кружков, то это будет зависеть от рода их функций: смотря по этому здесь будут самые разнообразные организации (от наиболее «строгой», узкой, замкнутой до наиболее «свободной», широкой, открытой, малооформленной). Например, для группы разносчиков нужна величайшая конспирация и военная дисциплина. Для группы пропагандистов конспирация также нужна, военная же дисциплина – гораздо менее. Для группы рабочих, читающих легальную литературу или устраивающих беседы о профессиональных нуждах и запросах, нужна еще меньшая конспирация и т. д. Группы разносчиков должны принадлежать к РСДРП и знать известное число ее членов и ее должностных лиц. Группа, изучающая профессиональные условия труда и вырабатывающая виды профессиональных требований, не обязательно должна принадлежать к РСДРП. Группа студентов, офицеров, служащих, занимающихся самообразованием *при участии* одного-двух членов партии, иногда даже вовсе не должна знать о его принадлежности к партии и т. д. Но

---

⁵ Нужны и боевые кружки, утилизирующие служивших в военной службе или особенно сильных и ловких рабочих на случай демонстраций, освобождения из тюрем и т. п.

в одном отношении мы должны *безусловно* требовать *максимальной оформленности* дела во всех этих филиальных группах, именно: каждый член партии, в них участвующий, обязан формальной ответственностью за ведение дела в этих группах, обязан также принять *все* меры к тому, чтобы перед ЦК и ЦО были *наиболее открыты* и состав каждой такой группы, и весь *механизм* ее работы, и все содержание этой работы. Это необходимо и для того, чтобы центр имел *полную* картину всего движения, и для того, чтобы можно было из наиболее широкого круга лиц делать выбор на разные партийные должности, и для того, чтобы у одной группы могли учиться (через посредство центра) все группы подобного рода по всей России, и для того, чтобы предупреждать появление провокаторов и сомнительных лиц, – одним словом, это безусловно и во всех случаях настоятельно необходимо.

Как это сделать? Регулярные доклады комитету, сообщение возможно большей части содержания возможно большего числа этих докладов в ЦО, устройство посещений всяких кружков членами ЦК и местного комитета, наконец, *обязательная* передача в сохранное место (и в бюро партии при ЦО и ЦК) связей с этим кружком, т. е. имен и адресов нескольких членов этого кружка. Только тогда, когда доклады сообщаются и связи передаются, можно признать участвующего в таком-то кружке члена партии исполнившим свою обязанность; только тогда вся партия в целом будет в состоянии *учиться* у каждого ведущего практическую работу кружка; только тогда нам не страшны будут провалы, ибо при наличности связей с разнообразными кружками делегату нашего ЦК всегда легко будет *тотчас* найти заместителей и восстановить дело. Крах комитета не будет тогда разрушать всей машины, а только срезывать руководителей, у которых готовы кандидаты. И пусть не говорят, что сообщение докладов и связей невозможно по конспиративным условиям: надо только захотеть, а возможность передать (или переслать) сообщения и связи есть всегда и *будет всегда*, пока у нас будут комитеты, будет ЦК или ЦО.

Мы подошли тут к весьма важному принципу всей партийной организации и партийной деятельности: если в отношении идейного и практического *руководства* движением и революционной борьбой пролетариата нужна *возможно большая централизация*, то в отношении *осведомленности* о движении центра партии (а следовательно, и всей партии вообще), в отношении *ответственности* перед партией нужна *возможно большая децентрализация*. Руководить движением должно возможно меньшее число возможно более однородных групп, искушенных опытом профессиональных революционеров. Участвовать в движении должно возможно большее число возможно более разнообразных и разнородных групп из самых различных слоев пролетариата (и других классов народа). И по отношению к каждой такой группе центр партии должен иметь всегда перед собой не только точные данные о деятельности, но также и возможно более *полные данные о составе* их. Мы должны централизовать руководство движением. Мы должны также (и должны *для этого*, ибо без осведомленности невозможна централизация) *децентрализовать* возможно более *ответственность перед партией* каждого отдельного ее члена, каждого участника работы, каждого входящего в партию или примыкающего к ней кружка. Эта децентрализация является необходимым условием революционной централизации и *необходимым коррективом ее*. Именно, когда централизация будет доведена до конца и у нас будут ЦО и ЦК, тогда возможность обращения к ним со стороны каждой мельчайшей группы, – и не только возможность обращения, а также выработанная многолетней практикой *регулярность* обращения к ЦО и ЦК – устранил возможность печальных результатов случайной неудачи состава того или иного местного комитета. Теперь, когда мы подходим вплотную к фактическому объединению партии и созданию настоящего руководящего центра, мы должны особенно твердо помнить, что *этот центр будет бессилен*, если в то же время мы не проведем *максимальной децентрализации* и в ответственности перед ним, и в осведомленности его о всех колесах и колесиках партийной машины. Такая децентрализация есть не что иное, как обратная сторона того *разделения труда*, которое по общему признанию составляет

одну из самых насущных практических потребностей нашего движения. Никакие официальные признания известной организации руководящей, никакие учреждения формальных ЦК не сделают еще нашего движения действительно единым, не создадут еще прочной боевой партии, если партийный центр будет по-прежнему *заслонен* от непосредственной практической работы местными комитетами старого типа, т. е. такими, в которые, с одной стороны, входит целая куча лиц, ведающих каждое – все и всякие дела, не посвящающих себя отдельным функциям революционной работы, не ответственных за специальные предприятия, не доводящих до конца раз взятого, хорошо обдуманного и подготовленного дела, тратящих тьму времени и сил на радикальскую сутолоку, – а с другой стороны, имеется целая масса студенческих и рабочих кружков, наполовину вовсе неизвестных комитету, наполовину таких же громоздких, не специализированных, не вырабатывающих профессионального опыта, не пользующихся опытом других и занятых точно так же, как и комитет, бесконечными совещаниями «обо всем», выборами и составлениями уставов. Чтобы центр мог хорошо работать, надо местным комитетам *преобразовать себя*, стать специализированными и более «деловыми» организациями, достигающими действительного «совершенства» то в той, то в другой практической функции. Чтобы центр мог не только советовать, убеждать, спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, кто, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда надо для исправления диссонанса перевести и т. п. В настоящее время, – надо говорить прямо, – мы либо ничего не знаем о *действительной внутренней* работе комитета, кроме его прокламаций и общих корреспонденции, либо знаем от друзей и хороших знакомых личных. Но ведь смешно же думать, чтобы этим могла ограничиться громадная партия, способная руководить русским рабочим движением и готовящая общий натиск на самодержавие. Сокращение числа членов комитета, поручение, по возможности, каждому из них определенной особой подотчетной и ответственной функции, создание особого, весьма немногочисленного, распорядительного центра, выработка сети исполнительных агентов, связывающих комитет с каждым крупным заводом и фабрикой, регулярно ведущих распространение литературы и дающих центру точную картину этого распространения и всей механики работы, наконец, создание многочисленных групп и кружков, берущих на себя разные функции или объединяющих лиц, примыкающих к социал-демократии, помогающих ей, готовящихся стать социал-демократами, с тем, чтобы комитету и центру всегда была известна деятельность (и состав) этих кружков, – вот в чем должна состоять реорганизация С.-Петербургского, да и всех других комитетов партии, и вот почему такое мало-важное значение имеет вопрос об уставе.

Я начал с разбора наброска устава, чтобы показать нагляднее, к чему клонятся мои предложения. И в результате читателю выяснилось, надеюсь, что в сущности можно бы, пожалуй, обойтись *без устава*, заменив его регулярной отчетностью о каждом кружке, о каждой функции работы. Что можно написать в уставе? Комитет руководит всеми (это и так ясно). Комитет выбирает распорядительную группу (это не всегда нужно, а когда это нужно, дело не в уставе, а в *сообщении* центру о составе этой группы и о кандидатах к ней). Комитет распределяет между своими членами отдельные стороны работы, поручая каждому регулярно докладывать комитету и сообщать ЦО и ЦК о ходе дела (и тут важнее сообщить в центр о таком-то распределении, чем написать в уставе правило, которое при бедности наших сил останется *зачастую* без применения). Комитет должен точно определить, кто состоит его членом. Комитет пополняется кооптацией. Комитет назначает районные группы, заводские подкомитеты, группы такие-то и такие-то (если перечислять желательное, то никогда не кончишь, а перечислять примерно в уставе не к чему; достаточно сообщить в центр об учреждении). Районные группы и подкомитеты учреждают кружки такие-то... Составление такого устава тем менее полезно в настоящее время, что у нас почти нет (во многих местах вовсе нет) общепартийного опыта деятельности

различных таких групп и подгрупп, а для выработки такого опыта нужен не устав, а организация партийной, если можно так выразиться, осведомленности: на устав у нас каждая местная организация тратит минимум несколько вечеров. Если бы это время было посвящено каждым по его специальной функции подробному и продуманному отчету о ней *перед всей партией*, дело бы выиграло во сто крат.

И не потому только бесполезны уставы, что революционная работа не всегда допускает оформленность. Нет, оформленность нужна, и мы должны стараться *оформить* всю работу по мере возможности. И оформленность допустима в гораздо больших размерах, чем это обыкновенно думают, но достижима она не уставами, а только и исключительно (повторяем это еще и еще раз) точным оповещением центра партии: только тогда это будет реальной оформленностью, связанной с реальной ответственностью и (партийной) оглаской. А то кто же у нас не знает, что *серьезные* конфликты и разногласия решаются у нас в сущности вовсе не голосованием «по уставу», а борьбой и угрозой «уйти»? Такой внутренней борьбой полна история *большинства* наших комитетов за последние 3–4 года партийной жизни. Очень жаль, что борьба эта не была оформлена: она тогда дала бы гораздо более для поучения партии, для опыта наших преемников. Но *такая* полезная и необходимая оформленность никакими уставами не создается, а исключительно *партийной гласностью*. У нас при самодержавии не может быть иного средства и оружия партийной гласности, кроме регулярной осведомленности партийного центра.

И только тогда, когда мы научимся широко применять эту гласность, у нас действительно выработается опыт функционирования тех или иных организаций, только на основании такого широкого и многолетнего опыта могут вырабатываться *не бумажные уставы*.

Написано между 1 и 11 (14 и 24) сентября 1902 г.

Послесловие

Редакция «Искры» говорит в № 55, что между ЦК и оппозицией «состоялось соглашение предать забвению» факты, упомянутые в моем «Письме в редакцию «Искры»» («Почему я вышел из редакции «Искры»?»)⁶. Это заявление редакции представляет из себя «отписку», поистине уже формалистическую, бюрократическую и канцелярскую (выражаясь прекрасным слогом тов. Аксельрода). На самом деле такого соглашения *не было*, как прямо заявляет заграничный представитель ЦК в особом листке, выпущенном тотчас после выхода № 55 «Искры»^[7]. Такого соглашения и *не могло быть*, как это должно быть ясно всякому внимательному читателю моего письма, ибо оппозиция *отвергла* «добрый мир», который был предложен ЦК и который, *наверное*, включал бы в себе условие предать забвению все то, что достойно забвения. Неужели редакция была так наивна, что, отвергнув мир и *начав в № 53 войну против пресловутого бюрократизма*, она надеялась на то, что противная сторона умолчит о *действительном* источнике этих сказок о бюрократизме?

Редакции очень и очень не понравилось, что я назвал действительный источник этих сказок *дрязгами* (Literatengezänk – дрязги литераторов), Еще бы! Но ведь наговорить жалких слов по поводу этого действительно неприятного факта не значит еще опровергнуть факт.

Мы позволим себе задать почтеннейшей редакции два вопроса.

Первый вопрос. Отчего это *одному* кажутся только *забавными* самые яростные обвинения в самодержавии, в робеспьеровском режиме, в совершении переворота, и пр. и пр., а *других* кровно *обижает* спокойный рассказ о фактах и о фактически требовавшихся генеральских местах? Настолько *обижает*, что они говорят совсем «никчемушные» речи о «личностях»,

⁶ См. Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 102–108. *Ред.*

«моральной тени» и даже «низменных (откуда сие??) мотивах»? Отчего такая разница, – а, друзья мои? Уж не оттого ли, что «место» генерала «низменнее», чем место самодержца?

Второй вопрос. Отчего не объясняет читателям редакция, почему она (в те далекие времена, когда она принадлежала к оппозиции и на деле была «в меньшинстве») выражала желание *передать забвению* некоторые факты? Не находит ли редакция, что одна уже мысль о желании «передать забвению» *принципиальные* разногласия нелепа и не могла прийти в голову ни одному здравомыслящему человеку?

Видите, как вы неловки, мои любезные «политические противники»! Вы хотели уничтожить меня обвинением, что я переносу принципиальный спор в область дрызг, а вместо этого вы *подтвердили* мое утверждение насчет действительного источника некоторых ваших «разногласий».

Далее. Признавши, по своей неловкости, что дрызги были, редакция не потрудилась объяснить читателям, где, по ее мнению, кончается принципиальное разногласие и где начинаются дрызги. Редакция обходит молчанием, что я в своем письме делаю попытку *совершенно точно* разграничить область того и другого. Я показываю там, что принципиальное разногласие (далеко не такое глубокое, чтобы вызывать действительное *расхождение*) обнаружилось по вопросу о § 1 устава и расширилось сближением искровского меньшинства с неискровскими элементами к концу съезда^[8]. Я показываю также, что речи о бюрократизме, формализме и проч. являются прежде всего простым *отзвуком* бывших *после съезда* дрызг.

Редакция, вероятно, не согласна с *таким* отграничением «принципиального» и «подлежащего забвению»? Почему же она не потрудилась сообщить *свое* мнение о «правильном» отграничении этих областей? Не потому ли, что эти области не размежевались еще (и не могут быть размежеваны) в ее сознании?

По фельетону уважаемого товарища Аксельрода в том же № 55 «Искры» читатели могут судить, к чему приводит эта... неразборчивость и во что превращается наш Центральный партийный орган. О наших спорах по вопросу о § 1 устава тов. Аксельрод не говорит *ни слова* по существу, ограничиваясь абсолютно непонятными для небывшего на съезде человека намеками на «периферийные общества». Тов. Аксельрод забыл, вероятно, как долго и обстоятельно спорили мы о § 1! зато тов. Аксельрод создал себе «теорию», по которой «большинство искровцев, явившихся на съезд, проникнуто было убеждением, что их главной задачей является... вести борьбу с внутренними врагами». «Перед этой миссией» для большинства «штушевывалась (по твердому убеждению уважаемого тов. Аксельрода) предстоящая положительная задача». «Перспектива положительной работы отодвигается в туманную даль неопределенного будущего»; перед партией стоит более неотложная «военная задача усмирения внутренних врагов». И тов. Аксельрод не находит слов, чтобы клеймить этот «бюрократический⁷ (или механический) централизм», эти «якобинские» (!!) планы, этих «дезорганизаторов», которые кого-то «теснят и третируют, как крамольников».

Чтобы показать, какова истинная ценность этой теории, – вернее, этих обвинений большинства съезда в дезорганизаторских тенденциях теснить (*воображаемую*, должно быть) крамолу и в игнорировании положительной работы, мне достаточно будет напомнить забывчивому тов. Аксельроду *один* (для начала один) маленький факт. 6-го октября 1903 г. после многократных увещаний членов меньшинства о нелепости и дезорганизующем характере их бойкота, мы с Плехановым *официально* пригласили «крамольных» литераторов (и тов. Аксельрода в том числе) взяться за положительную работу, официально заявили им, что отказ от этой работы

⁷ Кстати. Обращаю внимание редакции, что моя брошюра выходит с «установленным заголовком». Как убежденный центрист, я подчиняюсь «принципиальным» указаниям нашего ЦО, открывшего в № 55 отдел обзора партийных изданий с точки зрения «заголовков» (во имя борьбы с формализмом).

равно неразумен и с точки зрения личного раздражения и с точки зрения тех или иных разногласий (для изложения которых мы *открываем* страницы наших изданий)⁸.

Тов. Аксельрод забыл об этом. Он забыл, что ответил тогда решительным отказом без всяких объяснений причин. Он забыл, что для него тогда, в эти давно прошедшие времена, «положительная работа отодвигалась в туманную даль неопределенного будущего», каковое будущее только 26 ноября 1903 года стало желанным настоящим⁹.

Тов. Аксельрод не только «забыл» это, но и желал бы вообще «предать забвению» подобные «личности», не так ли?

Указывать меньшинству на то, что оно *целые месяцы* дезорганизовывало партию, забрасывало положительную работу, отвлекало своими дрызгами *тьму сил* у ЦК, это «личности», это значит набрасывать моральную тень, это значит сводить борьбу тенденций на уровень дрызги. Этому не место на страницах ЦО.

А обвинять большинство партийного съезда в том, что оно смело тратит время на увещания «крамольников», что оно дезорганизовало партию борьбой с (*воображаемыми*) дезорганизаторами – это принципиальные разногласия, для коих надо «приберечь» столбцы «Искры». Не так ли, уважаемый тов. Аксельрод?

Может быть, оглянувшись вокруг себя, тов. Аксельрод найдет и в настоящее время немало примеров тому, как «положительная работа» и для практиков меньшинства отодвигается в туманную даль тоже желанного, но все еще неопределенного будущего?

Нет, знаете, выгоднее было бы вам не затрагивать вовсе вопроса об отношении большинства и меньшинства к положительной работе! Выгоднее бы не напоминать о том, о чем говорит, например, один заводский рабочий города — ва^[10] в следующем письме ко мне:

«Дорогой товарищ!

В последнее время, т. е. после второго съезда партии, нам объявили, что ЦК не был выбран съездом единодушно, что съезд раскололся на две части по вопросу об отношениях Центрального Органа к Центральному Комитету и образовалось так называемое большинство и меньшинство. Все это, как тяжелый камень, обрушилось на нашу голову и придавило нас всей своей тяжестью, потому что самый вопрос об отношении ЦО к ЦК был для нас неожиданною новостью: ведь до самого съезда он не только не возбуждался ни в каких кружках и собраниях, но, насколько мне помнится, его обходили молчанием и в литературе. Вот это самое замалчивание его до съезда мне непонятно. Если предположить, что его совсем не существовало, то нужно признать, что товарищи, клавшие все свои силы на объединение партии, не представляли себе ясно ее организации, т. е. ее устройства. Но второе совершенно невозможно, потому что вопрос, расколовший теперь партию, ясно показал, что взгляд на устройство партии был и был не у всех одинаков. А если это так, то почему его скрывали? Это первое. А второе – самый этот вопрос, когда приходится его решать, то я ставлю себе такой вопрос: какое устройство партии обеспечит ее ортодоксальное направление, и тут же рядом с ним у меня является мысль, что кроме устройства партии важен состав ее вождей, т. е. если они ортодоксы, то и направление партии ортодоксальное, если – оппортунисты, то и партия такая же. Теперь, имея такие предположения и зная состав вождей партии, я безусловно высказываюсь за преобладание ЦО над ЦК в идейном руководстве партией. Высказаться за это еще больше заставляет русская действительность: как бы ни был ЦК ортодоксален, но он, находясь в России, не может быть застрахован от провала, а следовательно, и от

---

⁸ См. Сочинения, 4 изд., том 7, стр. 326. *Ред.*

потери ортодоксальности помимо своей воли, так как преемники не всегда-то соответствуют тем, кого они замещают. Кому из товарищей, работающих хоть немного в комитетах, не знакомы такие явления, что самый лучший комитет в силу одной из многих случайностей заменяется плохим и обратно. Совсем не то с ЦО: он стоит в иных условиях (принимая во внимание, что ЦО будет находиться за границей), которые обеспечивают ему более долговременное существование, а следовательно, и возможность приготовить себе достойных преемников. Но я не знаю, товарищ, можно ли решать этот вопрос раз навсегда, т. е. или чтоб всегда преобладал ЦО над ЦК или – ЦК над ЦО. Я думаю, что нельзя. Возьмем такое положение: вдруг состав ЦО изменился и из ортодоксального сделался оппортунистическим, как, например, «Вперед» в Германии; ну можно ли тогда дать ему преобладание в идейном руководстве? что бы стали делать мы, воспитанные в ортодоксальном духе, неужели должны бы соглашаться с ним? Нет, наша обязанность была бы отнять у него право на преобладание и передать его в руки другого учреждения, и если бы этого не было сделано по какому-нибудь поводу, все равно будь то партийная дисциплина или еще что-нибудь, то все мы достойны бы были названия изменников рабочему социал-демократическому движению. Так я смотрю на это и никак не могу согласиться с решением раз навсегда, как это делают некоторые товарищи.

Теперь мне совсем непонятна та борьба, которая ведется теперь между большинством и меньшинством, и нам очень многим она кажется неправильной. Ну, скажите, товарищ! Естественно ли такое положение, когда все силы кладутся на разъезды по комитетам за тем только, чтобы поговорить о большинстве и меньшинстве. Я, право, не знаю. Неужели этот вопрос настолько важен, чтобы ему отдавать все силы и из-за него смотрели друг на друга, чуть ли как не на врага? И на самом деле так выходит, что если комитет подобран, предположим, из одного лагеря, то из другого туда уже никто не попадет, несмотря на всю свою пригодность для работы, даже если хотите, он не попадет и тогда, когда он необходим для работы, когда последняя много теряет от его отсутствия. Этим, конечно, я не хочу сказать, чтобы совсем бросили борьбу из-за этого вопроса: вовсе нет, только, по-моему, она должна носить другой характер, и из-за нее мы не должны забывать главной своей задачи, а именно пропаганды в массе социал-демократических идей, потому что, забывая это, мы тем самым обессиливаем нашу партию. Я не знаю, честно ли это, но когда приходилось видеть, что интересы дела топтались в грязь и совершенно забывались, то я называю всех их политическими интриганам. Как-то больно становилось и страшно за самое дело, когда видишь, что люди, стоящие во главе его, заняты чем-то другим. Глядя на это, думаешь: неужели наша партия осуждена на вечные расколы из-за таких мелочей, неужели мы неспособны в одно и то же время вести внутреннюю борьбу совместно с внешней. Для чего же тогда устраиваются съезды, когда их постановления не принимаются во внимание и каждый делает, что ему вздумается, оправдываясь тем, что съезд, мол, неправильно решил, ЦК недееспособен и т. д. И это делают те, которые до съезда все время кричали про централизацию, про партийную дисциплину и проч., а теперь как будто хотят показать, что дисциплина нужна только простым смертным, а не им, людям верха. Они, должно быть, позабыли, что их пример страшно развращает малоопытных товарищей, уже теперь слышится снова среди рабочих недовольство интеллигенцией, которая из-

за раздоров между собою забывает их, уже теперь более горячие опускают руки, не зная, что делать. Пока что, а вся централизованная постановка дела теперь является пустым звуком. Остается только надеяться, что в будущем все изменится к лучшему».

Написано в январе 1904 г.

О демонстрациях^[11]

Нам кажется, что автор письма ставит вопрос несколько чересчур прямолинейно и недооценивает значение организованности демонстраций. В этом главном деле мы еще сделали мало, и на организацию надо направить прежде всего и больше всего сил. Пока у нас нет крепко сплоченных революционных организаций, способных двинуть несколько отрядов отборного народа для руководства всеми сторонами демонстрации, – до тех пор неудачи неизбежны. А раз такая организация сложится и на процессе самой работы, на ряде опытов, укрепитя, – тогда она (и только она) сможет решить вопрос, когда и как надо вооружаться, когда и как надо пускать в ход оружие. Эта организация должна будет серьезно поработать и над увеличением «быстроты мобилизации» (очень важное обстоятельство, совершенно основательно подчеркиваемое автором письма), и над увеличением числа активных демонстрантов, и над подготовкой распорядителей, и над расширением агитации в массе, и над привлечением «толпы любопытных» к участию «в деле», и над «сворачиванием» войска. Именно потому, что такой шаг, как переход к вооруженной уличной борьбе, «жесток» и что он «рано или поздно неизбежен», – делать его может и должна лишь крепкая революционная организация, непосредственно руководящая движением.

Написано в октябре, позднее 6 (19), 1902 г.

Впервые напечатано в 1946 г. в 4 издании Сочинений В. И. Ленина, том 6

Печатается по рукописи

Политическая борьба и политиканство

Внутреннюю политику русского правительства всего меньше, кажется, можно упрекнуть в настоящий момент в недостатке решительности и определенности. Борьба с внутренним врагом в полном разгаре. Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспортиками» всех ссылаемых, нет сил и средств поставить в одинаковый режим всех заключенных, которых особенно возмущает и толкает на протесты, борьбу и голодовки полный произвол растерявшихся и самодурствующих местных властей. А высшие власти, предоставляя мелким сошкам разделяться с пойманными уже внутренними врагами, усердно продолжают работать над «улучшением» и реорганизацией полиции в целях дальнейшей борьбы с корнями и нитями. Это – прямая и настоящая война, которую все большие и большие массы русских обывателей не только наблюдают, но и ощущают более или менее непосредственно. За авангардом летучих отрядов полиции и жандармерии медленно, но неуклонно движется и тяжелая законодательная машина. Возьмите законы последнего месяца, – и вам прежде всего бросятся в глаза новые указы, добывающие последние остатки финляндских свобод, да еще, пожалуй, обширный закон о дворянских кассах взаимопомощи. Первое из этих мероприятий совершенно подрывает самостоятельность финляндских судов и сената, давая возможность генерал-губернатору все знать, все ведать, т. е. фактически превращая Финляндию в одну из многих бесправных и униженных русских провинций. Отныне – замечает полицейски-официальная «Финляндская Газета»^[12] – есть надежда на «гармоническую» деятельность всех местных учреждений... Не знаю уже, злорадная ли это насмешка над получившим самый подлый и самый решительный удар безоружным неприятелем или елейное пустословие в духе Иудушки Головлева.

Второй из названных законов – новое детище того самого Особого совещания по делам дворянского сословия, которое уже одарило отечество разграблением сибирских земель («насаждение поместного землевладения в Сибири»)^[13]. Во время жестокого торгово-промышленного кризиса и полного обнищания деревни, когда голодают, недоедают и бедствуют миллионы рабочих и крестьян, нельзя себе и представить, лучшего употребления народных денег, как на подачки несчастным гг. дворянам-землевладельцам. Правительство даст на каждую дворянскую кассу взаимопомощи, во-первых, единовременно известную сумму («по усмотрению государя-императора!»), а во-вторых, в течение десяти лет будет давать по столько же, сколько будут собирать и сами местные дворяне. Касса будет помогать тем, кто затрудняется платить проценты по долгам. Гг. дворяне могут без стеснений делать займы, когда указан такой легкий путь брать на уплату деньги из народного кармана.

И как бы нарочно для подведения итогов этой политике травли, насилия и грабежа, для ее обобщения и освящения явились царские речи к дворянам, земцам, крестьянам и рабочим (в Курске и С.-Петербурге). Дворян царь благодарил за службу ему, службу «не за страх, а за совесть», и обещал непрестанные заботы об укреплении поместного землевладения, «которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России». Земцам царь ровно ни слова не сказал ни об оплоте, ни о нравственной силе России, ни о службе не за страх, а за совесть. Он объявил им коротко и ясно, что их «призвание – местное устройство в области хозяйственных нужд» и что только памятуя об этом, только выполняя успешно это призвание, они могут быть уверены в его благоволении. Это был вполне определенный ответ на конституционные поползновения земцев, это было прямое предостережение (или, вернее,

вызов) им, угроза отнятием «благоволения» в случае малейшего выхода за пределы «местного устроительства в области хозяйственных нужд».

Далее, крестьянам царь уже прямо выражал порицание за «беспорядки» и «разграбление экономии», назвав зверское избиение и истязание восставших от голода и отчаяния мужиков «заслуженным наказанием» и напомнив слова Александра III, повелевавшего «слушаться предводителей дворянства». Наконец, рабочим царь говорил не больше и не меньше, как «о врагах», *его* врагах, которые должны быть и врагами рабочих.

Итак, дворяне – верные слуги и исконный оплот порядка. Земцы (или земские дворяне?) – заслуживают предостережения. Крестьяне – порицания и приказа слушаться дворян. Рабочим ребром ставится вопрос о *врагах*. Поучительные речи. Поучительно сопоставление их, и очень было бы желательно, чтобы посредством прокламаций, листовок, бесед в кружках и на собраниях возможно большее количество народа было ознакомлено и с точным текстом и с настоящим значением этих речей. Простые пояснительные замечания к тексту этих речей могли бы послужить великолепным материалом для агитации среди самой темной части самых неразвитых слоев рабочего класса, мелких торговцев и промышленников, а также крестьянства. Но не только «темному» народу, а и многим просвещенным и образованным русским обывателям не мешало бы хорошенько вдуматься в царские речи, – особенно обывателям из числа либералов вообще и земцев в особенности. Не часто приходится слышать из уст коронованных особ такое определенное признание, подтверждение и объявление войны внутренней: войны разных классов населения, войны с внутренними врагами. И открытое признание войны – весьма хорошее средство против всех и всяческих видов политиканства, т. е. попыток затушевать, обойти, затушить войну или попыток сузить и измельчить ее характер.

Политиканство, о котором мы говорим, проявляется и со стороны правительства, и со стороны оппозиции мирной, и даже иногда со стороны революционеров (правда, в последнем случае в особой форме, не похожей на предыдущие). Со стороны правительства это – сознательное заигрывание, подкуп и развращение, одним словом, система, получившая название «зубатовщины»^[14]. Обещание более или менее широких реформ, действительная готовность осуществить крохотную частичку обещанного и требование за это отказаться от борьбы политической, – вот в чем суть зубатовщины. Теперь даже кое-кто из земцев видит уже, что разговоры министра внутренних дел г. Плеве с г. Д. Н. Шиповым (председатель Московской земской управы) есть начало «зубатовщины земской». Плеве обещает «более благоприятно» относиться к земству (ср. «Освобождение»^[15] № 7), обещает созвать в начале будущего года совещание из председателей земских управ для «разрешения всех вопросов относительно постановки земских учреждений», требуя за это, чтобы земцы «не говорили ничего о предствительстве в высших правительственных учреждениях». Казалось бы, дело яснее ясного: обещание самое неопределенное, а требование таково, что при исполнении его земские вождения становятся неосуществимыми. Против этого политического обмана, фокусничества и разврата может быть только одно средство: беспощадное разоблачение фокусников и решительная политическая (т. е., по русским условиям, *революционная*) борьба с полицейским самодержавием. Наши же земцы, насколько можно судить по «Освобождению», оказываются еще не на высоте этой задачи. На политиканство они отвечают политиканством, их орган проявляет полную неустойчивость. В № 7 «Осв.» вы видите эту неустойчивость особенно наглядно благодаря тому, что высказывается по данному вопросу не только редакция, но и некоторые сотрудники, с которыми редакция более или менее несогласна. В передовой редакционной статье то мнение, что обещания Плеве есть ловушка и зубатовщина, приводится лишь как мнение некоторых земцев, причем рядом с ним сообщается и мнение других земцев, которые «склонны последовать указаниям г. министра» (!!). Редакция далека от мысли поднять поход против земской зубатовщины. Она предостерегала земцев от «уступок» правительству (в №№ 5 и 6), но она не выступает с решительным осуждением г. Шилова и К^о, которые послушались сове-

тов старой полицейской лисы и выкинули из программы весеннего земского съезда 4-й пункт (указывавший на необходимость выборных земских деятелей для пополнения состава Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности). Редакция делает в передовой статье не тот вывод, что земство унижено согласием части земцев на подлые приманки полиции, а тот вывод, что самый факт переговоров правительства с земством «доказывает, что земство уже и теперь есть «представительство»» (!! и что обещанный г. Плеве «съезд» (г. Плеве говорил, кажется, только о «совещании»?) «во всяком случае желателен», ибо он «не может не внести ясности в отношения между земством и правительством». Редакция «твердо уверена, что земские деятели сумеют заявить себя на нем тем, чем они должны быть – представителями населения, а не подручными министров по хозяйственной части». Если судить только на основании одной передовой редакционной статьи, то надо, наоборот, быть твердо уверенным в том, что земцы окажутся опять «подручными» полицейского ведомства, как оказались г. Шипов и К^о (пока их не оттеснит или не видоизменит другое земское течение).

От политиканства передовой статьи с удовольствием отдыхаешь на дальнейших статьях сотрудников: г. Антона Старицкого и еще более земского гласного г. Т. Первый называет поступок г. Шилова и К^о «ложным шагом», советует земцам «не спешить учесть свое первородство в виде какого-то съезда, который оформит г. Плеве», советует не идти на приманку и не политиканить. Редакция делает примечание: «мы в общем согласны с автором статьи», очевидно находя, что в частности нельзя так односторонне осуждать политиканство⁹.

Второй сотрудник прямо уже восстает против всей позиции «Освобождения», нападая на незаконченность и нерешительность, осуждая такие фальшивые фразы, как ссылка на «народную анархию», заявляя, что «нельзя довольствоваться полумерами, что необходимо решиться идти до конца», что «необходимо покончить с рабскими полумерами легальной оппозиции...», «не останавливаясь перед жертвами», что, «не став революционерами, мы (земцы) не сможем сделать существенного вклада в дело политического освобождения России». От всей души приветствуем эти честные и твердые речи г. земского гласного и усиленно советуем ознакомиться с ними всем, кто интересуется разбираемым вопросом. Г. земский гласный *всецело* подтверждает данную нами в «Искре» оценку программы «Освобождения»^[16]. Больше того: его статья доказывает не только правильность нашей точки зрения, но и целесообразность нашего резкого изобличения половинчатости либерализма. Оказывается, что и в самой земской среде есть люди, которым претит всякое виляние и которых мы особенно должны стараться поддерживать беспощадной критикой этого виляния с нашей точки зрения.

Редактор «Освобождения», конечно, не согласен с г. земским гласным Т. и – почтительно, но твердо – заявляет: «на многое мы смотрим иначе...». Еще бы! И каковы же возражения редакции? – Они сводятся все к двум главным пунктам: во-1-х, г. Струве «принципиально» предпочитает мирные пути в отличие, по его мнению, от некоторых революционеров; во-2-х, этих последних он обвиняет в недостатке терпимости. Рассмотрим эти возражения.

В статье «По поводу одного упрека» г. Струве (статья подписана: *Ред.*) цитирует мою статью в № 2–3 «Зари»^[17] («Гонители земства и Аннибалы либерализма»). Ему особенно не понравились, разумеется, слова: «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство», то это имело бы «гигантское историческое значение»¹⁰. Г-н Струве, видите ли, решительно и безусловно не согласен с тем, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы. Самые решительные русские революционеры, говорит он, принципиально предпочитали мирный путь, и этой славной традиции не заглушить никакими доктринами.

⁹ В только что полученном № 8 «Освобождения» мы видим уже более решительное осуждение политиканства и ложного шага г. Шилова. В добрый час! Может быть, случай с сим почтенным деятелем побудит редакцию поискать корней «политиканства» в основных ее взглядах на отношение либерализма и революционных направлений?

¹⁰ См. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 61. *Ред.*

Трудно себе представить что-либо более фальшивое и вымученное, чем это рассуждение. Неужели г. Струве не понимает, что восставший раб вправе говорить о предпочтительности мира с рабовладельцем, а раб, отказывающийся от восстания, впадает в позорную фальшь, повторяя те же слова? «Элементы революции в России еще, к сожалению *или к счастью*, не созрели», – говорит г. Струве, и эти слова «к счастью» выдают его с головой.

А насчет славных традиций революционной мысли лучше уже г. Струве помалкивать. Нам достаточно указать на знаменитые заключительные слова «Коммунистического манифеста»^[18]. Нам достаточно напомнить, что тридцать лет спустя после «Манифеста», когда немецкие рабочие были лишены частички тех прав, которых никогда не было у русского народа, Энгельс дал такую отповедь Дюрингу:

«Для г. Дюринга насилие есть нечто абсолютно злое. Первый акт насилия был, по его мнению, грехопадением. Вся его доктрина есть нытье по поводу того, что этот акт насилия запятнал первородным грехом всю историю вплоть до настоящего времени, что все законы природы и законы социальные позорно извращены этим орудием дьявола – насилием. О том, что насилие играет также в истории и совсем иную роль – революционную, о том, что оно, говоря словами Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда это последнее беременно новым, о том, что насилие является орудием, посредством которого общественное движение прокладывает себе дорогу и разбивает окаменелые, отмирающие формы, – об этом ни слова нет у г. Дюринга. Лишь со вздохами и стенаниями допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплуататорского хозяйства понадобится, к сожалению, насилие, – к сожалению, ибо всякое насилие развращает, извольте видеть, того, кто его применяет. И это говорится после того, как всякая победоносная революция сопровождалась высоким моральным и духовным подъемом! И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, к которому народ может быть ведь прямо вынужден, имело бы по крайней мере то преимущество, что вытравило бы из народного характера лакейский дух, внедренный всеми унижениями 30-летней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеют навязывать самой революционной партии, какую только знает история!»^[19]

Перейдем к второму пункту – насчет терпимости. Нужно «взаимное понимание», «полная искренность» и «широкая терпимость» в отношениях разных направлений, – елейно поучает нас г. Струве (подобно многим социалистам-революционерам^[20] и представителям публики). Ну, а как быть, спросим мы его, если полная искренность наша покажется вам отсутствием терпимости? Если мы, напр., находим, что в «Освобождении» есть десница и шуйца, вредная, предательская шуйца, то не обязывает ли нас полная искренность к беспощадной борьбе с этой шуйцей? Не обязывает ли она нас к борьбе с авантюризмом (политиканством тож) соц.-революционеров, когда они проявляют его и в вопросах теории социализма и в отношении к классовой борьбе во всей своей тактике? Есть ли хоть капля политического смысла в требовании обкарнать, сделать дряблой эту борьбу в угоду тому, что угодно называть терпимостью людям, против которых борьба и направлена?

Пора бы бросить галантерейное наивничанье, господа! Пора бы понять ту нехитрую истину, что действительная (а не словесная) совместность борьбы с общим врагом обеспечивается не политиканством, не тем, что покойный Степняк однажды назвал самоурезыванием и самозапрятываньем, не условной ложью дипломатического взаимопризнания, – а фактическим участием в борьбе, фактическим единством борьбы. Когда у немецких социал-демократов борьба против военно-полицейской и феодально-клерикальной реакции действительно становилась общей с борьбой какой-либо настоящей партии, опирающейся на известный класс народа (напр., либеральную буржуазию), тогда совместность действия устанавливалась без фразерства о взаимопризнании. О признании явного для всех и осязаемого всеми факта не говорят (не просим же мы ни у кого признания рабочего движения!). Думать, что настоящему политическому союзу в состоянии помешать «тон» полемики, в состоянии только люди, сме-

шивающие политику и политиканство. А пока вместо действительного участия в нашей борьбе мы видим уклончивые фразы, вместо действительного приближения к нашей борьбе другого какого-либо общественного слоя или класса одну лишь авантюристскую тактику, – до тех пор никакие ни грозные, ни жалкие потоки слов ни на йоту не приблизят «взаимопризнания».

«Искра» № 26, 15 октября 1902 г.

Печатается по тексту газеты «Искра»

Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами

Насмешка оказывает свое полезное действие. В статьях под названием «Революционный авантюризм»¹¹ мы выразили твердую уверенность, что наши соц.-рев. не пожелают никогда прямо и точно определить свою теоретическую позицию. Чтобы опровергнуть сие злостное и несправедливое предположение, «Революционная Россия»^[21] начинает в № 11 серию статей под заглавием «Программные вопросы». В добрый час! Лучше поздно, чем никогда. Заранее приветствуем все статьи «Рев. России» о «программных вопросах» и обещаем внимательно следить за тем, можно ли в самом деле вычитать из них какую-либо *программу*.

Присмотримся с этой целью к первой статье: «Классовая борьба в деревне», но сначала заметим, что наши противники паки и паки чересчур... «увлекаются», заявляя (№ 11, стр. б) «наша программа выставлена». Неверно ведь это, господа! Никакой еще вы программы не выставили, т. е. не только не дали законченного и официально-партийного изложения своих взглядов (программы в узком смысле слова или хотя бы проекта программы), но и не определили даже вовсе своего отношения к таким основным «программным вопросам», как вопрос о марксизме и его оппортунистической критике, о русском капитализме и о положении, значении и задачах порождаемого этим капитализмом пролетариата и т. д. Все, что мы знаем о «вашей программе», это то, что вы занимаете совершенно неопределенную позицию *между* революционной социал-демократией и оппортунистическим течением, с одной стороны, *между* русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением, с другой.

В какие безвыходные противоречия запутываетесь вы, вследствие этой потуги сесть между двух стульев, это мы вам сейчас покажем и на выбранном вами вопросе. «Мы не то что не понимаем, мы не признаем принадлежности современного крестьянства, как целого, к мелкобуржуазным слоям», – пишет «Револ. Россия» (№ 11). «Для нас крестьянство делится на две принципиально отличные категории: 1) трудовое крестьянство, живущее эксплуатацией собственной рабочей силы (!??), и 2) сельскую буржуазию, – среднюю и мелкую, – в большей или меньшей степени живущую эксплуатацией чужой рабочей силы». Видя «основной отличительный признак» класса буржуазии в «источнике дохода» (пользование неоплаченным трудом других людей), теоретики соц.-рев. усматривают «огромное принципиальное сходство» между сельским пролетариатом и «самостоятельными земледельцами», живущими приложением собственного труда к средствам производства. «Основной существования тех и других является *труд*, как определенная политико-экономическая категория. Это раз. Во-вторых, те и другие в современных условиях *безжалостно эксплуатируются*». Они должны быть поэтому соединены в *одну* категорию трудового крестьянства.

Мы нарочно изложили рассуждение «Рев. Росс.» так подробно, чтобы читатель мог хорошо вдуматься в него и оценить его теоретические посылки. Несостоятельность этих посылок бьет в глаза. Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода – значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами – их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта – вот основное отличие

---

¹¹ См. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 377–398. *Ред.*

одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу.

Пойдем дальше. «Основой существования тех и других является *труд*, как определенная политико-экономическая категория». Определенной политико-экономической категорией является не труд, а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде. В другой форме здесь повторяется та же ошибка вульгарного социализма, которую мы уже разобрали. Когда соц.-рев. заявляют: «Существо взаимных отношений между сельским хозяином и батраком, с одной стороны, между самостоятельным земледельцем и заимодавцами, кулаками, с другой стороны, совершенно одинаково», то они целиком повторяют ошибку хотя бы немецкого вульгарного социализма, который, напр., в лице Мюльбергера, заявил, что существо отношений хозяина к рабочему то же, что домовладельца к квартиранту. Наши Мюльбергеры точно так же не способны выделить основных и производных форм эксплуатации, ограничиваясь декламацией по поводу «эксплуатации» вообще. Наши Мюльбергеры точно так же не понимают, что именно эксплуатация наемного труда является базисом всего современного грабительского строя, именно она вызывает деление общества на непримиримо-противоположные классы, и только с точки зрения *этой* классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность. Наши Мюльбергеры поэтому должны встретить со стороны русских социалистов, дорожащих цельностью своего движения и «добрым именем» своего революционного знамени, такой же решительный, беспощадный отпор, какой встретил Мюльбергер немецкий.

Чтобы яснее показать путанность «теории» наших соц.-рев., мы подойдем еще к тому же вопросу с практической стороны, попытаемся иллюстрировать разбираемый вопрос конкретными примерами. Во-первых, *трудится* и эксплуатируется везде, всегда и повсюду громадное большинство мелкой буржуазии. Почему бы иначе и относить ее к переходным и промежуточным слоям? Во-вторых, совершенно так же, как крестьяне в обществе товарного хозяйства, *трудятся* и эксплуатируются мелкие ремесленники и торговцы. Не хотят ли наши соц.-рев. создать также «катеорию» «трудоого» торгово-промышленного населения вместо «узкой» категории пролетариата? В-третьих, пусть попробуют соц.-рев., чтобы понять значение столь нелюбимой ими «догмы», представить себе подгородного крестьянина, который, не нанимая рабочих, живет своим трудом и продажей всяких земледельческих продуктов. Смеем надеяться, что отрицать принадлежность *такого* крестьянина к мелкой буржуазии и невозможность «объединить» его в один *класс* (заметьте, речь идет именно о классе, а не о партии) с наемным рабочим не решатся даже ярые народники. А есть ли какая-нибудь принципиальная разница в положении подгородного торгаша-земледельца и всякого мелкого земледельца в обществе развивающегося товарного хозяйства?

Спрашивается теперь, чем объяснить это приближение (мягко выражаясь) гг. соц.-рев. к вульгарному социализму? Может быть, это случайная особенность данного автора? Чтобы опровергнуть такое предположение, достаточно привести следующее место из № 11 «Рев. Росс»: «Как будто, – восклицает автор, – здесь все дело в размерах одной и той же хозяйственной категории» (крупный и мелкий буржуа), «а не в принципиальном различии» (слушайте!) «двух категорий: трудового и буржуазно-капиталистического хозяйства!». Нам трудно было бы и представить себе более полное и наглядное подтверждение сказанного нами в статье «Революционный авантюризм»: поскребите соц.-рев. – и вы найдете г. В. В. Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с эволюцией русской общественно-политической мысли, позиция соц.-рев. выясняется из одной этой фразы. Известно, что основой того бледно-розового квазисоциализма, который украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление, лежала идея о диаметральной противоположности крестьянского «трудоого хозяйства» и буржуазного хозяйства. Эта

идея, в разных оттенках ее подробно разработанная гг. Михайловским, В. В., Ник. —оном и др., была одной из тех твердь, против которых направилась критика русского марксизма. Чтобы помочь разоряемому и угнетаемому крестьянству, говорили мы, надо уметь отказаться от иллюзий и прямо взглянуть на действительность, разрушающую туманные мечты о трудовом хозяйстве (или «народном производстве»?) и показывающую нам *мелкобуржуазный уклад*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Письмо к товарищу о наших организационных задачах» явилось ответом на письмо петербургского социал-демократа А. А. Шнеерсона (Еремы), который подвергал критике организацию социал-демократической работы в Петербурге.

2.

Имеется в виду новая, меньшевистская, редакция газеты «Искра», в руки которой перешло издание «Искры» в ноябре 1903 года.

3.

«Искра» – первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

4.

Речь идет об уставе партии, принятом II съездом РСДРП.

5.

В. И. Ленин перефразирует здесь стихотворение И. С. Тургенева из романа «Дворянское гнездо» (см. И. С. Тургенев. Собрание сочинений, т. 2, 1954, стр. 215).

6.

Рабочедельцы – сторонники «экономизма», группировавшиеся вокруг журнала «Рабочее Дело», органа «Союза русских социал-демократов за границей». Журнал выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова. Вышло 12 номеров (девять книг). «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии. Рабочедельцы пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии. Рабочедельцы, выступая против ленинской идеи создания строго централизованной конспиративной организации, защищали так называемый принцип «широкого демократизма», который, как указывал Ленин, в условиях самодержавия, являлся «звонкой, но пустой фразой» (Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 138). «Рабочее Дело» оказывало поддержку органу откровенных «экономистов» «Рабочей Мысли». Один из редакторов «Рабочего Дела» (В. П. Иваншин) принимал участие в редактировании «Рабочей Мысли». На II съезде партии рабочедельцы представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии.

7.

Имеется в виду «Заявление заграничного представителя Центрального Комитета Российской соц.-дем. рабочей партии» Ф. В. Ленгника, направленное в редакцию меньшевистской «Искры». После того как редакция «Искры» отказалась напечатать это заявление, оно было выпущено особым листком.

8.

Речь идет о II съезде РСДРП, который состоялся 17 (30) июля – 10 (23) августа 1903 года.

9.

13 (26) ноября 1903 года Плеханов кооптировал в редакцию «Искры» ее бывших редакторов-меньшевиков.

10.

Речь идет о Н. Е. Вилонове. Ответ на его письмо был послан В. И. Лениным в декабре 1903 года (см. Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 175–177).

11.

Заметка «О демонстрациях» является ответом на письмо («К вопросу о демонстрациях») студента Петербургского университета А. Овсянникова от 6 (19) октября 1902 года в редакцию «Искры» по поводу статьи «Что делать?», напечатанной 15 сентября 1902 года в № 25 «Искры».

12.

«Финляндская Газета» – официальный орган царского правительства; выходила в Гельсингфорсе с 1900 по 1917 год при управлении генерал-губернатора Финляндии. Газета являлась проводником русификаторской и великодержавной политики царизма.

13.

Ленин имеет в виду закон 8 (21) июня 1901 года об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Закон предоставлял исключительные льготы дворянам-землевладельцам. Подробный разбор и оценку этого закона Ленин дал в статье «Крепостники за работой» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 87–92).

14.

Зубатовщина – политика «полицейского социализма», заключающаяся в создании в 1901–1903 годах, по инициативе начальника московского охранного отделения жандармского полковника С. В. Зубатова, легальных рабочих организаций в целях отвлечения рабочих от политической борьбы с самодержавием. Деятельность Зубатова по созданию легальных рабочих организаций была поддержана министром внутренних дел В. К. Плеве. Зубатовцы старались направить рабочее движение в русло узких экономических требований, внушить рабочим мысль, что правительство готово удовлетворить эти требования. Первая зубатовская организация была создана в Москве в мае 1901 года под названием «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». Зубатовские организации были созданы также в Минске, Одессе, Вильно, Киеве и др. городах.

15.

«Освобождение» – двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами, «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов) – главной буржуазной партии в России.

16.

Имеется в виду передовая статья в № 23 «Искры» от 1 августа 1902 года – «Программа русских либералов», автором которой являлся Л. Мартов.

17.

«Заря» – марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901–1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 – в апреле 1901 года (фактически вышел 23 марта нового стиля), № 2–3 – в декабре 1901 года, № 4 – в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари»», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322–333). В 1902 году во время возникших внутри редакции «Искры» и «Зари» разногласий и конфликтов Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы, оставив за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

18.

См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 459.

19.

Ленин цитирует книгу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1957, стр. 172–173).

20.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», «Партия социалистов-революционеров» и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900–1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901–1905). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 4 изд., том 9, стр. 283). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и крестьянством, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

21.

«Революционная Россия» – нелегальная газета эсеров; издавалась с конца 1900 года в России «Союзом социалистов-революционеров» (№ 1, помеченный 1900 годом, фактически вышел в январе 1901 года). С января 1902 по декабрь 1905 года выходила за границей (Женева) как официальный орган партии эсеров.